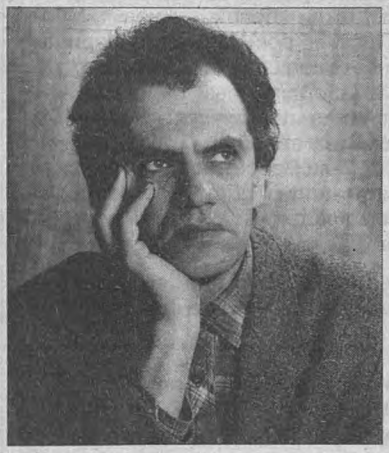
Муз. обозрение. – 2003. – № 5-6 (март-июнь). – с. 15

24 апреля исполнилось 60 лет московскому композитору Александру ВУСТИНУ.



За 37 лет композиторской деятельности Александр Вустин написал не так много — около 100 опусов. И практически каждое его сочинение получало серьезный резонанс, всегда ожидалось музыкантами и серьезными ценителями музыки с большим нетерпением. Газета «Музыкальное обозрение» назвала «Фантазию для скрипки с оркестром» и «Музыку для ангела» А. Вустина наиболее заметными явлениями музыкальной культуры в 2001-02. Его музыка востребована. Как говорит сам Александр Кузьмич: *«К сожалению, на Западе она исполняется больше, чем здесь»*.

За последние три года Вустин написал пять сочинений: «Alone» для вибрафона соло (исполнялось на фестивале «Московская осень»), «К Софии» для голоса, флейты, бас-кларнета, валторны и струнных на стихи О. Седаковой, «Эпиграф» для органа (памяти Э. Денисова, исполнялось Людмилой Голуб в Париже), «Седьмое слово» для флейты-пикколо, кларнета, контрафагота, валторны, колокола, двух квинтонов, виолончели и контрабаса (исп. в Санкт-Петербурге), «Spem in Alium» для солирующего фортепиано, тромбона, трех ударников, органа и группы (басы, альты) камерного хора. И каждое из этих сочинений — не «проходное» явление как в творчестве композитора, так и в музыкальной жизни.

На протяжении всей творческой судьбы Александра Вустина упорно причисляют к направлению так называемого «авангарда». Сам он говорит об этом так:

«Стравинский в своих размышлениях о Э. Направнике, говорил, что консерватизм — это не есть положительное или отрицательное свойство. Это есть психофизическая данность того или иного человека. Что нас в те годы влекло к тому, что принято сейчас называть «авангардом»? Это — внутренняя свобода. Это то, что обеспечивало радость, раскрепощение, которое является необходимым условием для творчества. И это было необходимо для молодежи. Нельзя расти в тюрьме, нельзя расти в условиях диетической духовной пищи. Человек растущий должен преодолевать барьеры, он должен рисковать. Как сказал поэт: «корень красоты — отвага». И это тянуло нас к таким личностям, как Волконский, Денисов. Искус «Авангарда» должен пройти каждый. Человек должен все знать, владеть всеми «техниками». И тогда он внутренне свободен, тогда он вправе иметь творческое мировоззрение. Вкус к познанию у меня воспитал мой учитель Григорий Самуилович Фрид.

Каким-то таинственным образом, через авангард, через фольклор, я пришел к тому, что музыка есть не просто объект пассивного слушания — в подлинных произведениях мы видим, что музыка вовлекает слушателя, делает его соучастником. Когда А. Любимов, М. Пекарский исполняли «Кройцшпиль» Штокхаузена, исполнители, взявшись за руки, начинали кружиться, вовлекали в «хоровод» слушателей. Было ощущение какого-то духовного взлета. Ты чувствуешь себя внутри магического круга, очерченного произведением. Так же и в фольклоре. Какая-нибудь северная плакальщица потрясает своим искусством, поднимает вас на новые духовные высоты.

Раньше я больше нуждался в слушателе, да и сейчас это было бы глупо отрицать, — конечно же, художнику нужен слушатель. Но сейчас я больше нуждаюсь в тишине, и для себя — в каком-то духовном познании, больше даже, чем в слушателе, хотя это даже страшно произносить. Мне важнее для себя разрешить чисто творческие, внутренние проблемы, чем иметь непосредственный отклик зала, хотя каждый из нас мечтает о благодарном слушателе.

Музыкальная мысль не может быть адекватно выражена каким-то содержанием, апеллирующим к понятию, логике. Музыка — это приближение к какому-то экстатическому состоянию, которое дает внутреннему взору образ этого света, истины, к которой не хочется прикасаться словами.

Я мечтаю о том, чтобы слушая музыку, человек не размышлял, а стал бы соучастником моей музыки, этого некоего ритуала.

Себя я считаю композитором абсолютно русским, хотя моими «Богами» являются немецкие мастера Бах, Бетховен, Моцарт, потом те, кто принял их традицию Шёнберг, Берг, Веберн. В последнее время у меня склонность к музыке действенной, и абсолютно ненасильственной — ни над моей душой, ни над душой слушателя. Эта музыка — как река, как облака, как небо. Она рождается из самой себя и в себя самоё уходит...»